

ЕЛЕНА ДИЛОН

ПРАВО НА СЕБЯ

ХВАТИТ СЕБЯ ОБЕСЦЕНИВАТЬ

Как перестать
критиковать себя
и наконец поверить,
что вы достойны
лучшего

Елена Дилон

Хватит себя обесценивать

<https://litres.ru/74077301>

SelfPub; 2026

Аннотация

Вы сделали много. Почему внутри всё равно кажется недостаточно?

Эта книга о самообесценивании: о том, как человек уменьшает значение своего труда, чувств, усталости, желаний, решений и успехов, часто даже не замечая этого. Он умеет поддерживать других, видеть чужой вклад, понимать чужие обстоятельства, но к себе применяет другую мерку — строже, суше, без снисхождения.

Похвала вызывает неловкость. Ошибка помнится дольше, чем десятки сильных поступков. Просьба кажется неудобством. Усталость признается только тогда, когда сил почти не осталось. А сделанное будто каждый раз нужно подтвердить еще чем-то.

Книга помогает увидеть, где именно вы перестаете учитывать себя: в работе, отношениях, деньгах, просьбах, отказах и ежедневных решениях. И начать относиться к себе точнее — без самоосуждения и привычки отнимать значение у того, что вы уже сделали, выдержали и выбрали.

Содержание

Вступление. Когда человек привыкает не учитывать себя	4
Глава 1. Ничего особенного: как самообесценивание звучит в обычной речи	10
Глава 2. Почему человек заранее снижает значение себя	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Елена Дилон

Хватит себя обесценивать

*«Случайность — частный случай
закономерности.»*

*Из кинофильма «Самая обаятельная и
привлекательная», 1985 год*

Вступление. Когда человек привыкает не учитывать себя

Она читает короткое сообщение с благодарностью и почти сразу отводит взгляд. В этих двух строках есть то, чего ей давно не хватало: кто-то заметил ее работу, поздний вечер за ноутбуком, выдержку в разговоре, заботу, которую сама она успела назвать мелочью. Но хорошее не задерживается. Едва коснувшись, оно уже отодвигается привычной мыслью: совпало, повезло, любой бы справился. Благодарность еще светится на экране, а внутри уже идет незаметная правка реальности.

В этот момент никто не отнимает у нее результат. Это делает привычная мысль: быстро, почти незаметно, как будто так и надо. Благодарность становится неловкостью. Успех — совпадением. Усталость — тем, о чем лучше не гово-

ритель. Желание — просьбой, которую сначала надо объяснить, оправдать, уменьшить до приемлемого размера. И если посмотреть на такую жизнь издалека, в ней может быть много нормального: работа сделана, дом держится, отношения продолжаются, люди рядом привыкли, что на нее можно положиться. Только сама она все чаще остается за кадром собственной жизни.

Есть минуты, в которых человек особенно ясно выдает свое отношение к себе. Не в исповеди, не в разговоре о прошлом, не в редком большом решении, а в почти незаметной реакции на хорошее. Ему говорят: «ты помогла», «ты справилась», «это благодаря тебе», а он отступает на полшага. Не телом, даже не голосом, а внутренним движением. Словно признание оказалось слишком ярким для комнаты, где давно принято держать свет приглушенным.

В таком движении нет показной скромности. Скорее это старая осторожность, доведенная до автоматизма. Человек не успевает выбрать ответ. Ответ уже выбран за него годами опыта: не принимать сразу, не оставлять себе слишком много, не давать хорошему слишком сильно коснуться. Хорошее ведь потом можно потерять, за него можно получить насмешку, его могут пересмотреть, оспорить, отменить. Поэтому безопаснее самому сделать его меньше, пока оно не стало уязвимым.

Самообесценивание редко начинается с прямого отказа от себя. Чаще оно растет из осторожности. Радость стоит

приглушить, чтобы потом не было больно. Свою работу лучше назвать пустяком, пока ее не пересмотрели чужим холодным взглядом. Боль безопаснее спрятать, чем услышать, что она преувеличена. Так рождается привычка внутренней безопасности: первым сделать себя меньше, чтобы чужое слово не застало врасплох.

Со временем осторожность становится похожа на характер. Она входит в манеру говорить, работать, любить, соглашаться, просить, отвечать на похвалу и переживать ошибку. За фразой «мне просто повезло» могут стоять годы опыта. За «да ладно, ничего такого» — участие, без которого ситуация могла рассыпаться. За «я сама виновата» — сложный разговор, где ответственность давно распределена не так однозначно. Но привычка выбирает самый короткий путь: убрать себя из факта до того, как факт успеет что-то сказать.

Внутри у человека, привыкшего снижать собственное значение, для хорошего и плохого будто действуют разные правила. Хорошее долго проверяется и часто получает внутреннюю пометку: не считается. Плохое принимается быстрее, почти без доказательств. Одно замечание может жить в голове дольше, чем десять теплых слов. Один промах легко перекрывает месяцы нормальной работы. Одна холодная пауза в ответе другого человека делает убедительной мысль: со мной что-то не так. Там, где стоило бы рассмотреть факты, появляется готовый вывод. Там, где стоило бы признать сделанное, появляется скидка на все свое.

Отсюда начинается более точный вопрос: в какой момент человек перестает верить фактам, если эти факты говорят о нем хорошо? Почему собственная усталость нуждается в доказательствах, а чужое недовольство принимается почти сразу? Почему для неприятного слова внутри всегда находится место, а благодарности приходится ждать разрешения у старого внутреннего запрета?

У самообесценивания есть будничная интонация. Оно редко приходит как трагедия. Чаще оно похоже на хозяйственную привычку: быстро убрать за собой следы желания, приглушить радость, сложить в сторону усталость, не задерживаться на результате, не доставлять никому неудобства своим «мне важно». В этом и опасность. То, что происходит каждый день, перестает казаться выбором.

Восхищение собой невозможно внушить приказом. Такие попытки часто звучат чужим голосом и быстро вызывают сопротивление. Тот, кто годами не засчитывал себе труд, редко начинает верить фразе, произнесенной перед зеркалом. Гораздо честнее рассмотреть, где факты поворачиваются против вас: где усталость называется слабостью, просьба — дерзостью, чужое недовольство — доказательством вашей неправоты, а одна ошибка вдруг получает власть описывать всю жизнь сразу.

Самообесценивание не уходит от одного решения. Оно слишком долго было вплетено в повседневность: в ответ «мне не важно», когда важно; в «я не устала», когда силы

давно на исходе; в слово «случайность», поставленное на место труда; в поспешную вину там, где нужен честный разбор. Первое движение здесь не в том, чтобы пообещать себе новую жизнь, а в том, чтобы вернуть словам их настоящий вес.

Точность здесь важнее утешения. Она не требует преувеличивать себя, спорить с каждым замечанием или изображать непоколебимость. Сначала достаточно увидеть саму скорость внутреннего суда: как быстро хорошее обнуляется, как легко чужой тон становится последней инстанцией, как мало места остается собственному восприятию. Уже это наблюдение меняет положение вещей: автоматическая реакция перестает быть совсем невидимой.

Дело не в том, чтобы убедить себя быть лучше, чем вы о себе думаете. Гораздо точнее — перестать делать себя хуже, меньше, незначительнее, чем позволяют факты. Это разные движения. Первое часто толкает к красивым словам. Второе требует честности, памяти, наблюдательности и готовности выдержать реальность без привычного самоискажения.

К этому разговору часто приходят не в момент катастрофы, а в момент усталого подозрения: вроде все идет, вроде жизнь держится, но внутри слишком часто приходится исчезать. Исчезать из разговора, из результата, из желания, из возможности назвать боль болью. И тогда меньше всего стоит очередное требование «быть увереннее». Гораздо нужнее внимание к старой привычке, которая слишком долго оставалась незаметной.

Обычные сцены возвращают привычку к ее настоящему месту. Похвалу хочется вернуть, ошибку — сделать доказательством своей несостоятельности, цену — назвать ниже, просьбу — спрятать в извинениях, боль в отношениях — прикрыть словом «ладно», усталость — признать только тогда, когда больше не остается сил держаться. Внешне эти ситуации не похожи друг на друга, но в каждой решается один и тот же вопрос: имеет ли ваше состояние вес, если оно неудобно другим или вам самим.

Здесь начинается главный разговор этой книги: где вы слишком быстро отказывались от собственного опыта, где делали себя меньше из страха, стыда или привычки быть удобной, где честность подменялась самонаказанием, а скромность — исчезновением из фактов.

Изменение порой начинается не с нового образа себя, а с одного более точного предложения. Вместо привычного отступления появляется короткая фраза: я устала, я сделала эту работу, мне было больно, я хочу иначе, я ошиблась, но эта ошибка не описывает меня целиком. В этих словах нет торжества. Зато в них есть редкая для самообесценивания вещь — соответствие реальности.

Глава 1. Ничего особенного: как самообесценивание звучит в обычной речи

Привычка не засчитывать себя чаще всего выдает себя в речи. Не в торжественных признаниях и не в специально подобранных формулировках, а в коротких ответах, которые возникают раньше мысли. Человека благодарят, а он уже отмахивается. Его хвалят, а он уже объясняет, почему это не совсем его заслуга. Он рассказывает о тяжелом деле так, будто речь идет о пустяке. Язык оказывается быстрее внутренней честности.

Скромность не стирает факт. Она не требует аплодисментов и не превращает каждую удачу в демонстрацию, но оставляет реальность на месте: работа была сделана, участие было, усилие имело вес. Самоотмена действует иначе. Она убирает человека из события, в котором он действительно присутствовал.

Такая речь часто кажется безопасной. Заранее названный неважным результат труднее критиковать, простая работа не вызывает обвинений в самомнении, неприсвоенный вклад не требует выдерживать внимание. На короткой дистанции это снижает напряжение. На длинной — учит самого человека не замечать собственного участия.

Иногда самообесценивание выглядит почти благородно: человек всегда подчеркивает роль других и почти никогда свою. Команда помогла, обстоятельства сложились, кто-то подсказал, повезло с временем. Все это может быть правдой. Но если в этой правде постоянно нет самого человека, картина становится искаженной. Помощь других не отменяет его работы. Удачные обстоятельства не отменяют решений. Поддержка не отменяет усилий. Совместный результат не требует исчезновения одного из участников.

Иногда весь сценарий слышен в одном слове — «просто». Я просто помогла, просто доделала, просто была рядом. Слово снимает с действия вес еще до того, как кто-то успел его рассмотреть. В нем звучит почти незаметная просьба: не задерживайтесь на мне, здесь нечего видеть. Но именно там, где чаще всего произносится «просто», обычно и находится то, что человек давно не признает.

В отношениях речь работает так же. Больно, но звучит «ничего страшного». Неприятно, но за этим сразу следует: «я, наверное, сама накрутила». Сил нет, а ответ все равно привычный: «нормально». Просьба еще не произнесена, но уже обрастает смягчениями и запасными выходами, будто сама возможность нуждаться требует извинения.

Есть еще одна тонкость: человек может не только говорить о себе так, будто его вклад мал, но и выбирать такие слова, которые заранее освобождают окружающих от необходимости быть внимательными. «Да мне не сложно», хотя

было сложно. «Как-нибудь разберусь», хотя нужна помощь. «Нормально», хотя уже давно не нормально. В этих словах много привычной вежливости и мало правды. И если они повторяются годами, рядом с человеком возникает странная договоренность: он вроде бы есть, но его состояние не требует учета.

Поэтому первая честность не требует показательных признаний. Она начинается с того, что фактам возвращается их вес. Не обязательно рассказывать всем о каждой усиллии или добиваться восхищения; достаточно перестать называть труд пустяком только из-за неловкости быть замеченной. Фраза «я старалась» уже меняет многое, если за ней не следуют десять объяснений, почему это все равно не считается.

У языка есть еще одна особенность: он кажется только описанием, но со временем становится привычным маршрутом. Если человек много лет отвечает на признание словом «случайно», он начинает не только говорить так, но и помнить так. В памяти остается не трудный кусок пути, не бессонный вечер, не напряжение, которое пришлось выдержать, а короткая версия: «мне повезло». Память подчиняется привычной фразе и оставляет за кадром все, что не помещается в эту скромную, почти незаметную легенду.

Есть люди, которые умеют рассказывать о других с вниманием и точностью. Они помнят, кто что сделал, кто как выдержал трудный период, кто поддержал, кто придумал решение, кто был честен, кто не сбежал. Но как только речь

заходит о них самих, язык беднеет. Там, где для другого нашлись бы оттенки, для себя остается короткое «нормально». Не потому, что они бесчувственны. Потому что собственная жизнь давно описывается экономнее, чем чужая.

Речь формирует разрешения. Годы разговоров о своих желаниях как о помехе постепенно заставляют слышать в них именно помеху. Работа, названная пустяком, все труднее становится основанием для нормальных условий. Боль, объявленная преувеличением, не исчезает, но теряет шанс быть услышанной вовремя. Язык оказывается не украшением переживания, а способом решать, чему позволено иметь значение.

Иногда человек не замечает, что его «ничего особенного» звучит не только для него. Дети слышат, как мать говорит о своей усталости. Коллеги слышат, как специалист снимает себя с результата. Партнер слышит, как на боль отвечают шуткой. Мир постепенно привыкает к той версии человека, которую он сам предлагает: не считайте это важным, не задерживайтесь на моем вкладе, не относитесь к моим словам слишком серьезно. А потом человек обижается, что его действительно не замечают. Но окружающие нередко просто продолжают линию, которую он сам им подсказал.

Особенно тонко это видно в просьбах. Ясная фраза «мне нужна помощь в четверг» у человека, который боится показаться требовательным, превращается в длинную защитную речь: если удобно, если не сложно, если правда есть время, а

если нет, то ничего страшного. Забота о другом смешивается с отменой собственного запроса. Другому оставляют полную свободу, себе — почти никакого достоинства нуждаться.

Здесь легко попасть в новый круг внутреннего контроля и начать следить за каждой фразой так, будто внутри появился проверяющий. Но речь меняется не от раздраженного надзора, а от внимательности. В какой-то момент становится заметно: сейчас факт был назван или уменьшен, участие признано или вычеркнуто, важное сказано прямо или заранее превращено в просьбу не учитывать. Это непривычное внимание возвращает выбор туда, где раньше работала только автоматическая уступка.

Такой язык не появляется из ниоткуда. За ним часто стоит опыт, где прямота была рискованной. Просьбу могли встречать стыдом, радость — осаживанием, ошибку — долгими напоминаниями. Тогда речь становится не только способом общения, но и укрытием: заранее признать себя хуже, чем есть, чтобы меньше зависеть от чужой оценки.

Речь не меняется приказом. Стоит запретить себе старые слова, и внутри легко появляется новый надсмотрщик: раньше он обесценивал, теперь будет обвинять за каждое обесценивание. Более тонкая работа начинается не с запрета, а с слуха: заметить, где фраза защищает, где прячет, где заранее уменьшает то, что на самом деле имело вес.

Иногда первое честное предложение звучит очень непривычно. «Да, это было непросто». «Да, я вложилась». «Да, мне

было важно». Такие фразы могут казаться почти вызывающими, хотя в них нет вызова. Просто человек впервые не убирает себя из того, где действительно был.

Но защита может пережить обстоятельства, для которых была создана. Человек давно не ребенок, давно не в той комнате, давно не перед теми людьми, но его фразы все еще написаны старым страхом. Он может быть компетентным, но говорить о себе как о случайном участнике. Может быть внимательным, но называть свою заботу мелочью. Может быть уставшим, но запрещать усталости звучать вслух.

Первое изменение не в том, чтобы заменить самоунижение демонстративной уверенностью. Это была бы другая чужая роль. Начать проще с точности: трудную работу не называть пустяком, обстоятельствам оставить их часть, но не стирать собственные действия, боль не объявлять выдумкой только потому, что она кому-то неудобна.

Несколько дней можно просто слушать собственную речь без желания немедленно исправиться. Где появляется слово «просто», где похвала уходит в шутку, где просьба расплывается от страха, где усталость прячется за коротким «нормально». Такое наблюдение не должно становиться поводом для новой самокритики. Его смысл в другом: увидеть, как часто привычка снижать собственное значение включается без отдельного решения.

Когда человек начинает слышать такие фразы, ему может стать неловко. Он может заметить, что делает это чаще, чем

думал. Но это хорошая неловкость. Она возвращает внимание туда, где раньше была автоматическая реакция. А там, где появляется внимание, постепенно появляется возможность ответить иначе. Не красиво. Не идеально. Просто точнее.

Глава 2. Почему человек заранее снижает значение себя

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.